

кабинетный ученый
[kʌbɪn'etnyɪ utʃ'ɔ:nyɪ]
armchair-scientist.ru

YURI AVREKH

SPHERES

Armchair Scientist
Ekaterinburg — Moscow
2018

ЮРИЙ АВРЕХ

СФЕРЫ

Кабинетный ученый
Екатеринбург — Москва
2018

Аврех, Ю.
А21 Сферы / Ю. Аврех. — Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый, 2018. — 130 с.

ISBN 978-5-7584-0249-8

В новую книгу известного поэта и писателя Юрия Авреха вошли произведения, написанные в 2006–2018 годах. В стихах и прозе миры пересекают друг друга. Мистическое и духовное в традиции русской поэзии соприкасается с земным и простым. В книге присутствуют биографические эссе, облаченные в форму стихотворений в прозе, некоторые из которых дополнены авторскими фотографиями и фотографиями из семейного архива.

ББК Ш6(2р36)6-335

ISBN 978-5-7584-0249-8

© Ю. Аврех, 2018
© А. Тавров, предисловие, 2018
© Кабинетный ученый, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Травелог преображенных мест (Предисловие Андрея Таврова)7

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ 2006–2018

«И когда опускаются сумерки...»	13
«Проходит дождь в саду у Маргариты...»	14
«Осень на крыльях прозрачных спустилась...»	15
«К чему обижаться грустя и шутя...»	16
«В городе на Неве грезятся дни о славе...»	17
«Луна сквозь облака сияла...»	18
«Осенний день уравновешен...»	19
«Я помню год...»	20
Феникс	21
Тауэр	22
Элегия мастеру Джону Ди	23
«Поезд Франц Кафка 751...»	24
«Вокруг собора святого Витта...»	26
«Когда завершился дождь. Дождь...»	27
Полдень в Градчанах	29
«Сегодня мне снова приснилась Прага...»	30
«И снова я заглянул в свою душу...»	31
«Где вращается музыка Сфер...»	32
Странствие	33
«Там, где птица поет неведьмица в полуденный жар...»	35
«Холодной, ясной ночью в октябре...»	36
«Одиночества нет ни в одном языке...»	37
«Голландия прекрасная страна...»	38
«В золоте высшего мира провидцев, а также святых...»	39
«Осень, дай мне щит...»	40
Ночь перед Рождеством	41
«По карте за границей плотной моря...»	42

«Скажи мне о том, что снится тебе поутру...»	43
«Дом над которым проходит снег...»	44
«День перед Рождеством. Две тысячи шестнадцать...»	45
«С черным посохом в белом снегу...»	46
«Я открываю книгу...»	47
«Я сейчас в алхимическом мае...»	48
«Черемуха так пахнет под дождем...»	49
Духов День	50
«Мне так нравится жаркий июль с его пламенным духом...»	52
«Январский, ясный, светлый день...»	53
«На крышах снег лежит, у маленьких домов...»	54

СФЕРЫ
Поэма
2014–2017

Часть 1	55
Часть 2	62
Часть 3	67

СТИХИ В ПРОЗЕ
2006–2016

Путь	77
Зеркало вод	78
Разворот	79
Марина	80
На библейских холмах	86
Легенда	90
Верхний Назарет	92
Портрет композитора	97
Варшавский снег	99
Юродивый	100
Серафим	101
Приближение	103
Ночь пророка Елисея (Иелиушу)	105
Август 2016	107
Милосердие	128

ТРАВЕЛОГ ПРЕОБРАЖЕННЫХ МЕСТ

Стихи Юрия Авреха для меня открывались по мере того, как шли дни, и день за днем, иногда с большими паузами я возвращался к его книгам, которые казались мне все менее и менее похожими на то, что сейчас мощным потоком (имея в виду объем) проходит по руслу стихотворного производства, но дело не в этом, дело не в фоне, потому что контекст этих стихотворений — другой, не литература.

Новая его книга — необычна. Пожалуй, я не подберу ей определения, пытаюсь назвать ее жанр в одно слово. Традиционно можно было бы назвать ее книгой лирики, отмеченной прозрачной резиньязией, смирением не как немощью, а как силой, пресекаемой резкими и краткими вскриками боли. И все же это не будет определением суммы стихотворений. Давайте посмотрим, кто герои этой небольшой книги, сочетающей стихи и эссе, похожие на стихотворения в прозе.

Друзья. Любимая женщина. Птицы, Музыка, Снег. Ангелы. Странник. Ряд этих героев можно прочитывать в обратном направлении — от, что ли объектов менее материального свойства, более символического — к образам более вещным, конкретным, земным. Но дело как раз в том, что у автора есть редкий дар погружать все, о чем он пишет, в тихую атмосферу остановленного времени, холодноватой чистоты, какая бывает у первого снега, в сердечную соотнесенность с миром, превосходящим мир эмоциональный или «слишком человеческий». Тем не менее, обращение

к такому миру, который знал своих поэтов (Блейка, Мильтона, Лермонтова) не ведет к противопоставлению верха и низа. Те смыслы, что являются, хоть и менее конкретными, но для зоркого глаза основными, первоначальными, такие как Ангелы, Благодать, Снег, Тишина, Слов — спускаясь сверху на простыню земной нормативной жизни, ее словно изгибают, и все, что расположено в ее (увы!) двухмерном пространстве начинает странно искривляться. Люди, города, улицы, прохожие в этой небесной деформации кажутся читатель-зрителю странно обновленными, незнакомыми, словно рождественское утро в детстве. Высший мир — птиц, слов, песен, ангелов — воспринятый автором поэтическим рецептором, способным открываться реальности большей, нежели жесткая, рациональная и забывшая про свой смысл — перерождает образы, обновляет их судьбы, линии, высвечивает в человеке или городе то, что казалось известным, привычным и — омывает их, преображает.

Вот за этим мягким преображением и хочется следовать, к нему хочется возвращаться снова и снова. Оказывается, любые предметы более глубоки, праздничны и прозрачны, чем мы это видим своим быстрым бытовым зрением. Взгляд автора медлен. Пристален и внимателен. И это не только внешний взгляд, это взгляд внутреннего зрения. Мы забыли, что в человеке всего по два. Есть телесное зрение, есть небесное. Есть человек как тело и есть человек как душа. Есть вкус языка, а есть вкус души. И тот, кто владеет вкусом души, никогда не столкнется с проблемой лишнего веса, он берет от мира другую пищу и ему хватает. Быстрый и мертвый — прекрасное словосочетание, сразу дающее возможность понять, о чем идет речь.

Медленный взгляд проходит в сердцевину вещей, он дает возможность увидеть их сияющую суть, а не пыльную поверхность. Медленный взгляд поэта останавливает время точно так же, как световая (самая быстрая) скорость физического луча. Как мы видим, тихое ведет к сверхскоростному, остановленное время утекает в вечность — иную модальность жизни, которая ждет нас не по ту сторону жизни, а проступает в деревьях, вещах, животных и людях уже сейчас, прямо сегодня. Но это надо научиться видеть. И слышать.

И когда опускаются сумерки,
И когда над домами рассвет,
Я представляю Ангела
Города Праги,
Благословляющего
Вас и меня,
Меня и вас,
Марина, Антон, Игорь...
И те, чьих я не знаю имен...
Музыка, тихая музыка
Звучит над домами, звучит...

Аврех, как уже сказано, ищет не противопоставлений, а той внутренней уравниваемости предмета и созерцателя, которая только и делает этот предмет созерцателю открытым. Родное открывается родному, открывается с доверием. Уравниваемость — великое слово. Об этом понятии как животворящем говорили и писали в разных культурах: в Азии — Конфуций, в Европе — Гораций, на Востоке — Христос. Но дело не в громких, и от этого почти мертвых именах, а в самом состоянии, о котором идет речь. Наш век — век крайностей, что с одной стороны и стремления всего

слиться в однородную массу, в размельченный как пудра состав, который легко формовать, которым легко управлять — вещество, состоящее из недолгих картинок и образов из политики, жизни «звезд», цифровых сетей, телефонов, от которых в больших городах лица становятся мертвенно-бледными, болтовни, сенсаций, страшных новостей по телевизору — всей этой бессмысленной иллюзорной информации, обесиливающей и приручающей человеческий ум.

Уравновешенность — это сила. Уравновешенность — это прямой позвоночник в хаотическом, страстном и бессильном мире.

Осенний день уравновешен
Покоем солнца и воды,
Его ни ненависть, ни нежность
Не беспокоят. Суеты
Он не несет и не приемлет.
В его руках горит звезда.
И свет ее он льет на землю.
Ты видишь этот свет? О да!

Автор видит свет, который дает ему власть и смирение одновременно — не слиться с бесформенным потоком современной распыленной цивилизации. Распыленной, потому что ушедшей в кровавые крайности, в противопоставление своей правды и «чужой», причем своя и чужая правды меняются на прямо противоположные каждые 15–20 лет. Это не смущает распыленный ум, ему все равно, у него никогда не было своей уравновешенности, своей силы.

Другая причина, по которой книжка кажется мне чрезвычайно интересной, заключается в том, что она организована, как документальный роман в письмах.

Причем у него есть одна особенность — письмо этих писем экзистенциально, дневниково, открыто. И все эти письма — в одну сторону. И по мере их чтения перед нами развертывается история одной любви. Это необыкновенно живая и искренняя история, в которой ни слова не придумано, как не придуманы (вопреки нашим представлениям) ни ангелы, ни сферы, ни нездешний снег. Эти стихи работают не как «почти документ» или имитация документа, но они и есть самый настоящий документ, разворачивающийся у нас перед глазами в разных городах и пространствах — от Праги до Челябинска и от Снега до Ангела. Но отношения, о которых повествуют стихи и продолжающие их замечательные эссе отнюдь не сказочны, они написаны реалистично, но омыты чистотой взгляда, и это то сочетание, которое хотелось бы пожелать каждому. Это тот нерв и то состояние, которое делает из лирической книжки экзистенциальный документ, а проще говоря — историю, полную жизни, слез, любви и надежды.

Метафизические строки с Ангелами, небесными сферами и чудесными волшебными городами без сопротивления продолжают стихами, в которых явлены знакомые лица, дома города-мегаполиса, портретные зарисовки друзей, размышления о музыке, городах и небе.

Этот гремящий и одновременно тихий и приглушенный словно бы светом снега сплав жанров делает книгу особенно ценной. Прочитав ее, вы станете немного спокойнее, немного счастливее, чище. И возможно вам, как и мне, захочется какое-то время побыть в тишине, а выйдя оттуда, сказать автору: «Спасибо!»

* * *

Проходит дождь в саду у Маргариты,
Где дом ее, цветами весь увитый.
Она выходит, отпирая дверь,
И поправляет локоны седые.
Но лик ее... Он, как и прежде, юн.
И открывает занавес июнь,
И мелкий дождик капает с небес.

* * *

Осень на крыльях прозрачных спустилась
Бабочкой светлой, насквозь золотой.
В парках летала, и по небу плыла,
И наслаждалась самою собой.
Ветром в траве и листвой под ногами.
И при вечерней, зажженной звезде
Вся отражалась она облаками,
Ивой, склоненной к холодной воде.

* * *

Марине

К чему обижаться грустя и шутя,
Сияют на яблоне капли дождя,
Еще мы не знаем, что будет потом,
А в комнате лето и в нем мы вдвоем.
А в комнате лето и в комнате свет.
Опустится ночь и изменится цвет.
Из губ друг у друга разделим вино.
И свечи гореть будут если темно.

Июнь 2008

* * *

В городе на Неве грезятся дни о славе,
Обшарпанные дома, и на земле окурки.
Но в храме Николы морского, что в Петербурге,
Иконы глядят на тебя в золотой оправе.

И свечи горят, и в пятой стихии эфира —
Без водки и сигарет, —
Однако, с вином и хлебом...
Как долго искал ты в своем сердце мира.
Вдруг понимаешь и видишь в окне — небо.

* * *

Андрею Таврову

Луна сквозь облака сияла
И светом тайны освещала
Дома и мир.
И был так ярк и к земле так близок
Юпитер, и струился свет,
И слышно было тишину
Апреля. На пустых качелях
Я занял место, и смотрел,
И вспоминал.
И жизнь незримая, ночная
Сама собой жила. Жива.
И в тишине росла трава,
Не в силах подобрать слова
В живом молчании... Я наблюдал.
Луна светила. И миротворец ангел
Благословил в ночи меня.

* * *

Осенний день уравновешен*
Покоем солнца и воды.
Его ни ненависть, ни нежность
Не беспокоят. Суеты
Он не несет и не приемлет.
В его руках горит звезда,
И свет ее он льет на землю.
Ты видишь этот свет? О да!

* Написано в день осеннего равноденствия.

* * *

Я помню год, год круглый, календарный,
Падение, вращение, полет.
Химеры выли. Словно шар зеркальный,
Две тысячи шестой «прекрасный» год.
Я говорю, мой друг, не про Орфея,
Не про поэта, что когда-то жил.
О, брат Танатос, старший брат Морфея,
Зачем в Аид живым я нисходил?

Осень 2006

ФЕНИКС

Небеса номер один, небеса номер два.
Слова не могут вместить всего.
Феникс восстает из огня. Его
Огонь возрождает, и он поднимается выше.
Даже там, где не было, чем дышать, — он дышал.
Ты видишь? Звезды пылают, а ему легко.
Чтобы попасть наверх, нужно было пройти огонь.
Пламя оранжево-красное, и только тогда...
А слезы принадлежат земле, ибо они вода.

ТАУЭР

Наблюдатель видит Виндзорский замок,
но это Тауэр —
Крепость, тюрьма, в которую вводят пленных.
Палач поджидает женщину.
Для насмешки на ее голове колпак красного цвета,
На красном бархате ковровых дорожек не видно
крови,
А если и будет, то это уже не важно.
Ее раздевают. На руках кандалы, цепи,
Ее уже не видать, уже увели с мрачного поля зрения,
С поля событий, векторов, линий, линейного
времени —
В коридоры, в которых уже не различить —
где палач, где жертва,
Потому что стены скрывают. А кто она?
Чья любовница, дочь, жена?
Как ее имя?
Я вижу со стороны то, что произошло.
И когда она выйдет из тела,
Смерть ее, смерть, снимет с нее кандалы,
И она освободится, и душа выйдет из плена,
Тлена, поднимется вверх, туда, где ее ожидают уже,
Но кто, не различить видимость, как в тумане.
То есть пока не дано увидеть.
Ты просыпаешься здесь, а она просыпается там.

27 августа 2013

ЭЛЕГИЯ МАСТЕРУ ДЖОНУ ДИ*

Возможно, мастер, ты постиг
Великий ангельский язык.
Ты прежде Был, а после Стал,
И устоял и не упал
Под бурями житейских смут
Ты не ушел, возможно, тут
Ты слышишь строки из стиха.
У тайны музыка тиха.
У нас в апреле снег стеной
Прошел, растаял, кто виной?
Тех потрясений и невзгод,
У нас две тысячи пятнадцатый год.
.....
А в месяц май вздохнуть, вдохнуть
Так хочется той красоты...
Земной, небесной.
А весы...
Вне равновесия весы
Меж миром тьмы и там, где свет.
Бывает, судьбы сплетены,
И в сне одном я видел: ты
Присутствовал, и крупный дождь
Российский шел и шел, и что ж,
И в Англии быть мог такой,
Так пусть же каждый свой покой
И мир, и счастье обретет,
Высокий Ангел. Свыше льет
Свет из ладоней. Только тот
Кто жаждет, пьет.

2–3 мая 2015

* Джон Ди (John Dee) — родившийся 13 июля 1527 в Тауэр Уард (Лондон, Англия) английский астроном, алхимик, герметист и астролог валлийского происхождения

* * *

I

Поезд «Франц Кафка 751»
Едет сквозь ночь, и его Господин —
Машинист, одетый в (пропотевший) потертый френч,
 Не зажигает свеч.
Звезды горят, они так живут.
На границе миров птицы поют и пьют
 Небо ночное.
 Не так ли?
А машинист, живой герой,
В звездное небо над головой
Звездочки ставит на чистый лист, —
 Пентакли.

II

Поезд, названный именем Франц.
Машиниста зовут так же, и он ненавидит фарс.
У него любовница спит в купе,
 где
Снится ей собственная в 3D
Жизнь. Отражается дождь в воде —
Под мостом, по которому едет поезд.
Любовница развязала пояс,
Платье сняла и уснула глубоким и крепким сном,
Погрузившись в себя, как вошедшая
 В дом.
В купе раздвинуты шторы.
Пункт назначения скоро.

III

Машинист понимает — была страда,
Но благотворная есть звезда,
И не одна.
Поезд его идет, идет...
Дождь втянул воду в себя.
 Не льет.
Луна поднимается из надира,
Из колодца, из глубины, вверх...
Машинист ведет поезд, молясь за всех.
Поезда не отмечены
В Карте мира.

Август 2013

* * *

Вокруг собора святого Вита
Ходит незримая свита.
И свиток, кто-то читает.
 Кто-то мечтает.
А у собора пылают свечами,
Прошное с будущим соединяя —
Тайны молитв. Оживают ночами
Пражские улицы: Старая Прага —
Рукопись — Свиток — Молитва — Бумага.
Прошлая эра и новая эра.
Чешский писатель Милан Кундера
В Пражском кафе, из окна видит город.
Своды собора, как древние горы.
Своды Собора — великие старцы.
Своды Собора в отдельном пространстве
Времени, Духа. Какого-то слова —
Невыразимо прекрасного сна.
Архитектура и музыки звуки
Пышным букетом к вам падают в руки...
Будто страданий и не было. Звезды.
Ночью в воде в отражениях, в слезах.
Слезам святых и незнаемых нами.
И облака над большими домами.
Стихотворение.
 В Праге раскрытой.
 У Katedrála svatého Víta.

* * *

Когда завершился дождь.
 Дождь.
И от дождя очнулся старинный город.
Город людей. Их страстей.
Ты идешь, поднимая ворот.
Кто ты? Как тебя зовут?
И что ты делаешь тут?
Я пишу стихотворение, пишу
Не о Пражской жизни, а о своей
Истории из Пражской жизни.
О том, что есть нечто невыразимое
 В старине.
И легенды реальны. Они не лгут и не
Притворяются правдой, а повседневная жизнь людей
Часто бывает побегом от собственных дней.
Золотых, черных, червленых, живых.
Люди не ведают о проклятых. Не знают своих святых.
Не все, но многие. Думая ни о чем.
Под пражским или московским стоят дождем.
Дождь не смывает маски, он оставляет их.
Социальные статусы. Начался дождь и уже стих.
Колодец с прозрачной водою. Мерцающий свет
 луны.
Духи. Ангелы. Творения, что не видны.
Нашему миру. Но это не значит, что их нет.
Каждый сам для себя ищет в себе ответ.
Но есть нечто невыразимое вообще
То, что сокрыто в Душе.
 В плаще
 прохожий проходит.

И каждый в своих делах
Подавляя тоску. Побеждает страх.
А небесная музыка тихо звучит. Звучит.
А земная горчит. Или кричит.
И каждый ищет сам для себя ответ.
Над Соборами Праги невыразимый свет.

ПОЛДЕНЬ В ГРАДЧАНАХ

От Густава Майринка и Ангела западного окна
До Градчан, в которых звучат грачи,
У кого-то свое вино, у кого-то своя вина,
У кого-то от Праги своей ключи.
На Градчанах в мае стихает боль,
А у собора святого Витта народа не сосчитать.
И кажется, ночью с портрета сходит король —
Габсбург. Император

Рудольф

Второй.

И смотрит за городом до тех пор, пока не начнет
светать.

А на Градчанах деревья уже в цвету.
Два цвета мне грезятся: зеленый и золотой.
И, облаченный в эти цвета, я по Градчанам
моим иду.

И мир на своем языке говорит со мной.
И Прага вновь в яви, — снова — рядом со мной,
В стихах. Во множестве и в единстве людских речей
И музыка над городом течет через край рекой —
В домах. В Храмах. В пламени
от
свечей.

* * *

Б. Р.

Где вращается музыка Сфер,
А не запись на фирменном диске,
То не город, воспетый Б.Р., —
Мир другой, относительно близкий.

В некоем городе, что над землей,
Там, где женщина ждет у порога,
С непокрытой стоит головой,
И поет про земную дорогу...

Я хотел бы приют обрести,
Но о нем не напишешь, вы правы.
Я так жаждал ее отвести —
Боль глубин наивысшей октавы.

Я хотел бы приют обрести
Рядом с той, что поет про дорогу,
Ибо дух мой устал от пути
И от пут, и от праха земного.

Ноябрь 2006

СТРАНСТВИЕ

I

Ты, стихотворение, слушай меня,
Слушай, слушай, то тише, то громче,
Как море в порту города Акко.
Север. Дальше на север после Сахары.
После пустыни. Аэропорты. Автобусы.
Люди. Север Израиля. С юга на север —
Во сколько пустынь окунается сердце?
В песок. В воду. В стихию эфира.
Видишь?
Дорога в Ципори выводит вверх. В верх Галилеи,
И дальше на север. Ципори столицей был. И была
Птица над городом римлян, иудеев, филистимлян.
Была-наблюдала не птица, а Дух-наблюдатель.
Духи невидимы миру. Мир занят собой.

II

Жили святые, в подножия гор уходя, погружаясь,
Уже на границе миров и дальше вращая в горные корни.
Земные. Подземные. Силу вбирая, чтоб устоять
и подняться.

Преобразиться, и в трепете ум умолкает.
Я осязаю Тебя. Слышишь, Душа,
шум древних наречий?
И вопрошаешь, не зная кого. Кто? Кто еще здесь?
Кто живет у горы Мирон?
Кто живет у горы Ханаан?
Сила необъяснимая, ходит,
дышит, ее не увидеть глазами.
Суровая, бьется, выходит из гор, но, ее осязая, можно
коснуться.

* Б. Р. — поэт Борис Рыжий.

* * *

Холодной ясной ночью в октябре,
Когда мерцающие звезды,
Холодные осенние дороги,
Машины, рухлядь, старое тряпье,
Деревья в наготе и столько жизней,
Что их не сосчитать,
Их не считая,
На все существование глядят.
На все ничтожество. На все великолепье
Парковок, новостроек и больниц,
Соединенных штатов соцсетей,
«Союзов нерушимых одиночеств»,
Коттеджей, саун, клубов.
Клубов дыма, квадратов, треугольников,
Граффити, и надписи...

.....

Все звезды выше нас.
Все звезды выше нас.
Несоразмерны.
Ничто ни с чем сравнимо быть не может.
И существует жизнь,
Непостижима, — в боли. В каждом дне.
В улыбке.
В добром слове.

.....

Сияют звезды.
И каждый светоч мира вознесен,
Чтобы сиять.

* * *

Одиночества нет ни в одном языке,
Слов, способных другому его передать.
Оно носится в воздухе, спит на воде —
Это сила, она заставляет страдать.
Можно выйти на улицу, голову — вверх,
И увидеть, как в небе летают стрижи,
И с гусиною кожей безудержный смех
Пробирает до дрожи, но ты не дрожи.

* * *

Голландия прекрасная страна.
А снег идет в Голландию обратно,
Когда вы у открытого окна
Стоите. Снег идет, идет. И ладно.
С великим состраданием немым
Из старых фильмов — сразу в современность —
Вы входите и сигаретный дым.
Вы смотрите на снег, на постепенность
Всей музыки на клавишах прямых,
На черных, белых, — легкую такую.
Относится, могу сказать, к тому
Что я вас полюблю до поцелуя.
Еще до страсти. До прямых стихов.
До плотности печатного романа.
Вы скинете вчерашнее пальто,
И будет все иным казаться, странным.
Российский снег, поэзия, стихи,
В Голландии таинственная дама —
В старинном доме с края Амстердама
По лестнице идет. Шаги ее легки.

* * *

В золоте высшего мира провидцев, а также святых,
Мира, что свет изливает на наш исстрадавшийся
мир, —
Столько любви, что не вмещают ни слово, ни стих.
Только кажемся им неразумными злыми детьми.
Там, где солнце заходит за линию, за горизонт,
Там, где снова восходит, — есть дважды невидимый мир.
Это явь и сверх-явь, а отнюдь не придуманный сон.
Там, где роза, жасмин и другие цветы. Посмотри...

* * *

Осень, дай мне щит
Из твоих лесов,
Облаков твоих дай мне свой покров.
Защити меня, Господи, прошу.
В эту осень я — то, что я пишу
В золоте твоём,
В осени твоей.
Защити меня
Ото всех скорбей.
Призови святых.
Я устал и пьян.
Иустина там, где и Киприан*.
О, прости меня,
Господи. Во всем
Защити от тьмы,
От ее времен
Черных, страшных, злых.
Светлых ликов дай.
Киприан придет
И откроет рай
Через благодать
В золоте листвы.
Ангелы и Свет,
Как прекрасны вы.

Сентябрь 2015

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

На улице метель и вспаханное небо,
В котором снег летит на ветряных крылах.
В ночь перед Рождеством вкушай вина и хлеба,
И выметаи за дверь сомнения и страх.
Не плачь. В полях пустых уже пропали бесы,
И от молитв святых исчезли в темноту,
Когда метель летит над выбеленным лесом,
Не в силах охватить святую красоту.
Она, та красота, стоит в обличье женском
И говорит с тобой на добром языке,
На языке добра, и в умиление детском
С Молитвой на устах. Свеча в ее руке.
И Серафимов свет сияет над землею,
И мудрость говорит, благословляя жизнь,
Перекрестив пути все снегом и водою...
Пусть мудрость говорит, а ты ей послужи.
Ночь перед Рождеством в тринадцатом году,
Две тысячи таком тринадцатом, наставшем.
Для мудрости молитв раскрытые уста.
Молитву и любовь познающем и знавшем.
Две тысячи таком... От Рождества Христа.

13 января 2013

* Киприан и Иустина — святые, жившие в Антиохии в период правления римского императора Декия (249–251 гг.).

* * *

По карте за границей плотной моря
Паломники вершили путь туда.
Затмившей человеческое горе.
Мерцала где предсказанной — звезда.
Когда искали, где земля святая.
Когда искали Иерусалим.
В псалме Давида Арфа золотая.
В молитве он и в горести храним.
И ныне солнце входит в те пределы.
Где Иерусалим так далеко.
В нем желтый цвет и раскаленный белый.
А звездной ночью дышится легко.

* * *

Скажи мне о том, что снится тебе поутру?
Проснешься, а за окном и снег, и ветер.
Но легче, чем ветер и чем свеча на ветру,
Любовь того, кто создал и пламя свечи, и ветер.
О том, что за этим миром молчат уста,
Но высшая есть земля, как высшая часть Творения.
И Тот, кто открывает ее врата,
В короне Божественного Стиха-Творения.

* * *

Александр Калугину

Дом, над которым проходит снег.
Мой дом, над которым проходит снег.
Мой дом, над которым мерцает свет.
За окном поет птица, тихо, тихо поет,
Напоминая, что жизнь живет
Даже в страшные холода,
Когда Душа говорит: «Да»!
Твердое, громкое: «Да»! —
Любви и Победе над темнотой.
В мегаполисе Екатеринбурге зима,
И в Иерусалим пришел снег.
Он спустился на землю, и на храмовой лег горе,
И на горе Елеонской и в Вифлееме.
Сейчас в декабре две тысячи тринадцатого года
Снег пришел в Иорданию и в Израиль,
и в Палестину,
Чтобы люди увидели в снеге летящем свет.
За окном поет птица, тихо, тихо поет,
И, кажется, что в ее пении выражается
вся надежда мира.

17 декабря 2013

* * *

День перед Рождеством. Две тысячи шестнадцать
Число в календаре. Невероятно, но
Ткань бытия жива. Когда начнет смеркаться,
На небе будет звезд бессчетное число,
И ангелы, для нас невидимые, будут
Невидимые раны перстами исцелять,
Пока мы будем спать, и будет ночь повсюду.
Свет истинной любви спасительно сиять —
Он будет. Этот свет, и будет свет струиться.
А ночь когда пройдет в сиянии святых,
И снег через мороз в лучах будет светиться,
От солнца на восходе.
И снежные сады...

6, 7 января 2016

* * *

I

С черным посохом в белом снегу
Февраля, будто бы на портрете,
Образ силы при сумрачном свете —
Образ странника я берегу.
Белый стих, да по звездному небу
Пролетающий вестник писал.
Он был светел, прекрасен, и образ
Силы Духа он в душу вдыхал.

II

И вот когда явился образ Силы
(Его зовут так именем живым),
Учителем сияющим, красивым,
Под тайным, высшим именем своим —
С цветущим посохом, с лучистыми глазами,
В которых свет, исполненный любви,
Явила сила мудрости.
Раскрыл февраль Он
И старинный фолиант
 Раскрыт.
И в ясном небе тихий снег
Летит над миром, как благословенье.

Февраль 2016

* * *

Я открываю книгу багровых
Листьев осенних. Их
Вызолотили звезды ночные.
Тише... Мой ангел тих.
Пастырей, криков, скорбных молений
Кто прочитает стих,
Вписанный в книгу
Того, что можно книгою жизни назвать?
Все происходит всегда в высотах.
Как это здесь понять?
Как эту боль пережить без скорби,
В сердце когда пустота?
А на груди тепло от распятия,
 вылитого креста,
Что несут под рубашкой люди.
Несут ли они любовь?
Без париков уже ходят судьи,
Ладно, не без голов.
В золоте воска — в сумраке — плавно,
Ярко горит свеча.
Так же на солнце горела
 ярко
Сталь моего палача.
Сколько их ходит во тьме — безымянных
Герцогов зла и тьмы?
Как защитить свою жизнь и душу
В белом снегу зимы?
Вот и метель, и уже сугробы,
И небеса пусты.
Я ли с тобой говорю, Всевышний?
Или со мною Ты?

Ноябрь 2016

* * *

Я сейчас в алхимическом мае,
Где идет переплавка свинца.
Сквозь нигредо, альбедо, в рубедо
Чтобы сердце вошло до конца.
Чтоб свершился душевный, духовный
Алхимический, тайный процесс.
А над городом гром и молнии,
И под ливнем невидимый лес.
И душа так желает Спасения,
Чтоб войти в тот Божественный Свет.
Он сокрытый? А может открытый?..
Нет ответа. Пока его нет.
А в промышленном городе в мае
Жизнь прекрасна и птицы поют.
И спокойно земля принимает
Слезы все, те, что ей отдают.

13 мая 2017

* * *

Черемуха так пахнет под дождем...
Во времена и Тютчева, и Фета
Она так пахла. Запах...
Что же это?
Как будто нет страданий...
Снова лето
На языке цветенья говорит.
И пышная колышится природа,
И в майских сумерках прозрачный дождь летит
Две тысячи семнадцатого года.

30 мая 2017

ДУХОВ ДЕНЬ

I

В траве зеленой желтые цветы
Во дворике, в котором праздник лета.
Как маленькие дети,
Играют бабушка и дедушка
при свете —
При солнечном — июньского полудня,
Еще не встретившись друг с другом
Так много, много, много лет назад...
Смеется не родившаяся мама...
Никто не знает собственной судьбы.
А я смотрю спокойно и упрямо
На летний полдень,
Желтые цветы,
На многие сложившиеся судьбы.
Я созерцаю, что живут во мне.
В душе моей. Я много старше их,
Так думается мне.
Душа моя мне постоянно говорит об этом,
И древо рода говорит о том,
И шелестит листвой почти беззвучно,
И древо рода за моей спиной —
Оно и на земле и под землей,
И над землей.
Я выхожу в раскрытый ясный полдень.

II

Ударит гром! И дождь прольется,
Слезами Бога дерево омыв,
Историю и миф соединив,
Соединив миры между собою,

Мой путь, что между мною и Тобою.
Но тишина звенит перед грозою.
Я послан был, возможно, чтоб сказать
О тайнах бытия (доверенных?)
Самим Божественным — Великим Дедом,
Который — самый главный Патриарх.
В траве играет вещая сорока,
И говорит на птичьем языке,
И по спине моей проходит дрожь.
И скоро дождь. И имена пророков
Пытаюсь вспомнить, и вхожу под дождь.

3, 5 июня 2017

* * *

Мне так нравится жаркий июль с его пламенным духом,
И когда облака проплывают в небесной и нежной тоске,
И когда это ты уже нечеловеческим слухом
Вдруг пытаешься здесь уловить что-то Высшее в шумной,

бурлящей реке,

В этой пестрой толпе, в этом гаме и пыли...

Что-то Высшее «Над», что-то «То», что святое для всех.

Как назвать это «То», и как выразить это словами?

Я не знаю таких ясных слов... Только плач или смех?

Обратиться к Святым, и любимых назвать поименно —

Тех, что видели Рай и вошли в этот истинный Рай:

Киприан, Иустинья, Исаак Нинивейский Сирийский,

И Святой Симеон, и Святой Августин,

И Святой Чудотворец Мерликийский отец Николай...

Имена ваши мне повторять и искать в каждой

малости чуда.

Я вчера видел солнце в объятиях темных ветвей,

Обрамляющих солнце ветвями — четыре сосны,

как четыре сосуда,

Обрамляли его, и казалось — нет более в мире

ни зла, ни теней.

И молитва слетала от губ благодарных.

Чудо света, что я невзначай увидал.

Благодарность за жизнь. Благодарность за травы и птиц,

Их небесное пение, их воздушную плоть.

И за Ангелов силы и славы...

Я не в силах представить себе ни земной, ни иной —

Высшей славы.

А небесной представить кто может?

О как милосерден Господь!

Воскресение, 30 июля 2017

* * *

Январский, ясный, светлый день
Над небоскребом и над храмом,
И над спорткомплексом «Динамо»;
Летит прозрачный, легкий снег.
И пишет двадцать первый век
Главы начало восемнадцатой.
В снегу резвятся дети граций,
И подо льдом течет вода,
Но выйдет вечером звезда
Далекая, как тайны Бога,
И выйдет путник на дорогу:
Средь веселящейся толпы
Он видит свет своей тропы.

10 января 2018

* * *

Томасу Венцлова

На крышах снег лежит, у маленьких домов,
Как будто то — Стокгольм, в котором столько снега,
А может Вильнюс то в провинции снегов,
Над крышами домов... Их укрывает небо.
А много лет назад, когда двадцатый век
Не кончился еще, рассказывала мама
О том, что там была, про Вильнюс и дома,
Про небо над Литвой, такая панорама...
Ни рифму подобрать, ни высказать слова
О том, что было, что уже не повторится.
На крышах снег лежит. Под снегом спит трава.
И в небо над Литвой взмывает снова птица.

26 февраля 2018

СФЕРЫ

Поэма

2014–2017

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Здравствуй, ночь, пронизанная звездами.
Ты — храм, в котором не видно купола,
А купол расписан сиянием созвездий,
Соцветием звездных
Систем, а над ними — силы Создателя
Непостижимо отражены в созидаемом им.
И вот человек.
Он только что вышел
Из адских ворот, адских энергий,
Из темноты, сотрясающей мир.
Руки он протянул к небесам,
И в глазах его скорбь, и слетает молитва из уст.
Какой сейчас год?
2015-й год от Рождества Христова.
Как не хватает любви.

II

Человеческий Дух-Душа.
Окружите меня Серафимы
Сиянием крыльев своих,
Поднимите меня вверх —
Туда, где лучистое пламя пылает
Истины непреходящей.
Я с вами, я с Богом Истины быть возжелал —
Каждым атомом тела, и тела Души-Духа.
От страданий, сжимающих силой, позволь мне,
О Боже, уйти к Тебе...

III

Чудо слова и слов. Их еще не было.
Но, вдруг, появились слова
И сцепились в существовании с плотью листа,
И стали на место — каждое в уровень свой,
Каждое — в смысл подлинный свой,
Каждое — в уровень сияния свой.
Каждый.

IV

Словно во сне, возникает картина:
Уолт Уитмен, Роберт Фрост, Унгаретти Джузеппе.
Старцы-поэты под куполом звездным сидят
И читают стихи.
Только что прибыл с севера новый:
Тумас Транстремер,
Умерший позавчера.

V

И снова я мысленно возвращаюсь к тебе,
Прага моя. Ты — не Прага горгулий.
Ласковой Влтавой и громом, и бурей
В жизни моей ты была.
И осталась в сердце моем — красотой.
И усталость. В небе весеннем, где облако
Было. Облако в речку упало, уплыло.
Черная туча ушла — это сила,
Адская сила была
Против меня.
И из адских ворот
Вышел я. Улица. Небо и год.
В небе луна, все одежды истлели
Те, что на мне, как влитые, сидели.
Вот и виски мои не поседели.
Так серебро. Белое золото опыта.
Где-то
В некой обители Истины, Света,
Верю, стихи мои там прочитают.
Звезды короною Прагу венчают.
Благо-дарю.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Сатурн и Карлов мост. И Солнце над землей.
Над горизонтом знак восходит зодиака,
И снова Карлов мост над Влтавою рекой
И ясный небосвод, и Солнце в знаке Рака,
И пламенный июль, так, будто я там был,
Я вспоминаю вновь четырнадцатого века
Девятое число. И был тогда июль*
С постройкою моста и что было тогда,
 Не знаю я, однако,
Пишу тебе сейчас, не ведая, кто ты,
Который, вдруг, прочтешь загадочные строки.
И отступает ночь, и приступает день
К заботам и делам, которых нужно в сроки,
Все сделать, уложить в пространстве временном.
Вне временном сказать возможно ли пространстве?
Я перешел тот мост над бурною рекой.
Восходит Солнце. Свет. И день
в своем убранстве...

II

Я пишу эти строки не в Праге, а в мегаполисе русском
На окраине города. День расширяет пространство
Белым стихом и верлибром. Внутренним ритмом,
И боль, боль, боль, словно Пращский Орлой,
Словно пражских часов бой — времени, шум времени
Вспоминается мне. Но я не об этом.

* По легенде, согласно исследованиям чешского историка и астронома Зденека Горского, первый камень Карлова моста был заложен 9 июля 1357 года в 5:31 утра.

III

О, Великий Создатель, Ты, Создавший Светила,
Созвездья, планеты, миры...
Прости меня за ошибки мои и грехи,
Я устал от страданий, безмерно устал.
Из моего пересохшего горла выходит не крик.

Молитва просится в мир, и я посылаю к тебе
Молитву мою. Света частицу,
Неизмеримо малую величину,
Но в ней есть любовь. Благодарность и свет.

IV

Я сожалею о всех страданиях, которые когда-либо
принес другим.
Покаяние, Покаяние, Покаяние.
Утренний розовый свет проникает в окно,
и ночь отступает.
И над постройками, зданьями прошлого века —
ясное небо,
И облака разошлись.
Луна в облаках. Ее еще видно, но проходит мгновенье,
и уже
Луна едва ли видна, только снег и дома,
что она освещала.
Целую, длинную и широкую ночь.
И Луна прекрасной была.

V

Сегодня 30 ноября 2015 года,
Когда в небе, заполненном звездами, нету которым
числа,
Произошло в знаке Стрельца соединение Сатурна
и Солнца.
И Сатурн, проходя зодиак, находился, находится
в сердце у Солнца.
В Сердце у Солнца находился Сатурн в те времена,
Когда в Праге начал строиться Карлов Мост.
Мост через Влатву,
Мост,
Мост,
Мост через все времена, по которым прошел я,
И теперь
Я пишу, как дышу, и с дыханием каждое слово,
Совпадая с ритмом моего сердца,
звучит,
звучит,
звучит.

30 ноября 2015

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Когда ангелы плачут, на земле идет дождь.
За шумом дождя не слышно машин.
Радость, печаль, снова радость, дрожь:
Все формы дождя составляют одну.
Плывут облака над землей гурьбой.
Была гроза и прошла гроза.
Незримый мир — он всегда с тобой.
Закрой глаза и открой глаза.

II

Ночь, полнолуние, ливень, гроза,
Молнии синим сверкают, а за
Древом из молний
И пышной грозой —
Небо ночное прозрачной слезой
Дышит, а выше, над облаком звезд, —
Облако звезд.
Но в разгуле стихий звезды невидимы,
Только стихи
С дерева молний под пышной грозой
Вдруг расцветают. Прозрачной слезой,
Слезами, брызгами яростных нот —
Дождь вертикально на небо идет.
С неба идет.

III

В комнате маленькой, тихой светло
Стало от молний за плотным стеклом,
Стало как будто бы легче дышать,
И представляет сиянье душа,
И излучает свой собственный свет.
Свет — свет — свет.
В сердце у ливня меняется цвет.
Небо светлеет над миром, дыша.
Думаю я:
Что же вмещает в сердце душа —
моя душа,
моя душа,
моя душа.
Июнь 2014

IV

Гроза и гром.

И молния.

И звезды горят огнем,

Собственным жаром рассеивая темноту.

Во что вы верите? — «В Великую красоту

Истины».

Кого-то спасает супергерой Джеймс Бонд.

Но когда над миром гроза — выстрелит вверх Лермонт.

И гроза развернется, и реки пойдут вспять,

Мы будем жить, будем не умирать.

И когда над миром гроза, и реки идут вспять,

Серафим из чистого света

будет в ночи

путеводной звездой сиять.

Июль 2014

V

Средиземное море, море древнего мира.

Сколько помнишь ты войн? Сколько помнишь ты мира?

И военных судов, и рабов на галерах?

Где страдания предел? Где кончается мера?

Где линейных времен размыкаются кольца?

Где над миром любви восходящие солнца?

Где открыты врата вместе с окнами Рая?

Где морская вода каждой каплей святая...

VI

Средиземное море, море древнего мира,
 Солнце входит в зенит, выходя из надира,
 Я приехал к тебе, омываешь поскольку
 Остров Кипр и Крит, острова и не только.
 Я приехал к тебе, чтоб войти в твое тело,
 Чтобы тело твое обняло мое тело.
 На бегущих волнах тают легкие блики,
 А закроешь глаза, то не блики, а лики
 Проступают святых, как на старых иконах,
 То виденье мое, на мерцающих волнах
 Может ангелы то открывали ворота,
 Ибо знают они: жизнь земная — работа —
 Так легка и трудна, как в страданиях горько.
 А морская вода омывает. И только.
 Видим свет неземной из открытого Рая,
 И морская вода в свете этом святая....

VII

Средиземное море, море древнего мира,
 Солнце входит в зенит, выходя из надира,
 Я приехал к тебе, чтоб войти в твое тело,
 Чтобы тело твое обняло мое тело.
 Вглубь тебя уплывал, ты у берега края
 Свои водные стопы в берега опираешь.
 Видел в трех временах — ты стихиями дышишь,
 На своем языке то сильнее, то тише
 Говоришь.
 Из тебя острова вырастают.
 Над поверхностью вод,
 То сияют, то тают
 Блики солнца в тебе,
 Обнаженное небо
 Ты вмещаешь в воде,
 Что по-гречески перо...

VIII

В майские Сумерки после дождя так хорошо...
Можно сказать, что же сказать, можно еще?
Жить и любить. И говорить можно. Пришел,
Чтобы сказать: в майские Сумерки после дождя
так хорошо...

IX

Когда Ницше плакал, пылал огонь
Раскаленный в камине. Его ладонь
Была раскаленной, слова грубы,
И в бреду ему виделись золотые Львы.
Львы, что сотканы были из сфер огня,
А на Льве одном видел он меня.
Видел он меня. То, что я в бреду,
И в своем бреду я к нему иду.
Говорю: О, Фридрих, меня спаси!
И приходит Ангел. И Бог простил.

Х

Лето созерцаю из окна,
Летний полдень в дом мой проникает.
Облака плывут издалека —
Из пределов Рая.
Птицы славно прославляют жизнь!
Каждая, как маленький Державин.
Ну, что делать, друг ты мой, держись
На земле в прижизненной державе.
А потом, когда прольется дождь
Божьими прекрасными слезами,
Выйду я, преодолевая дрожь,
Чтоб рыдать с Тобой под облаками,
Тучами, в которых есть просвет,
Пенье птиц над временем тягучим,
Вязким, непонятым и могучим,
За которым — истинная жизнь!

Июль 2016

СТИХИ В ПРОЗЕ

2006–2016

ПУТЬ

Я хотел обрести мир. Мир в собственной душе. Мир, которого мне так не хватало. Мир истинный, а не ложный, не иллюзорный и временный.

На Кипре, в горах Троодос, что в переводе означает «три дороги», находится монастырь Киккос, открытый для паломников и посетителей. Монастырь, основанный в конце XI века византийском императором Алексеем I Комнином. Все, и снаружи и внутри монастыря, дышит миром. Когда долго смотришь на иконы, начинаешь чувствовать тепло, которое исходит от них.

А теперь я пишу этот текст, эту прозу, это стихотворение здесь, в городе Екатеринбурге. В бывшем Свердловске. В мегаполисе каменных стен. Стен настоящих и стен графических, виртуальных интернет-ссылок, выстраивающихся в отдельные стены, изображенные на экране включенного монитора.

Текст. Гипертекст.

Особенное пространство, где писатели и их произведения встречаются. Там, где сходятся все времена. Листопад, снегопад и цветенье. Поэзия, стихия, стихи. Древняя Роза в руках. На руках. Ни одной слезинки не бежит по щеке, по щеке, по щеке...

ЗЕРКАЛО ВОД

Зеркало воды отражает небо прошедшего и будущего дождя. Если очень долго всматриваться в прошлое, есть опасность утонуть в его глубине. Если же всматриваться очень долго в будущее, существует опасность утонуть на его поверхности, даже не достигнув его глубины, ибо увидев отраженным будущее, на поверхности водной стихии страх может сковать настолько, что суть происходящего может быть не понята вообще, вот почему возникает образ поверхности воды.

То, что касается прошлого, то наоборот опасность уйти в глубины и не вернуться. И единственное (кроме Веры), что способно спасти и в первом, и во втором случае — умение плавать. Плавание, как талант. Как дар!

И по водам прошлого, и в водах грядущего.

РАЗВОРОТ

Весь день и всю ночь падал снег, покрывая дворы и дворики, подворья и подворотни, а наутро здоровые мужики раскидывали его лопатами на земле и на небе, и не было, казалось, места, где бы ни присутствовал снег. На его письменном столе лежал лист бумаги, который пересекало одно слово: смирение. Он достал из пачки сигарету, разломил ее и пересыпал содержимое в трубку, потому что табака не было, даже самого дешевого. И содержимое сигареты осыпалось на бумажный лист. Может быть, он хотел найти другое, более точное определение, но какое? Он не имел в виду, говоря о смирении пассивное ожидание, о нет. Только примирение, принимая свою жизнь со смирением, и при этом продолжая жить и действовать несмотря ни на что. Активное смирение в противовес пассивному.

Внезапно в его сознании мелькнул некий, едва уловимый образ, вызвавший у него улыбку. После чего зародившийся в горле смех проник в трубку и вылетел из нее вместе с дымом в раскрытое окно. «Забавно», подумал он, «а что если удастся прожить долгую жизнь, став неким патриархом, окруженным любовью и почитанием»? Но риторические вопросы не нуждаются в ответах, надо, стиснув зубы, продолжать жить, проходя по одним и тем же пройденным маршрутам, по все тем же неприбранным дворикам и дворам, под взглядами чужих и чуждых ему людей, чтобы однажды свершилось чудо. Однажды... И тогда...

Он улыбнулся легкой, едва заметной улыбкой, перевернул лист, и на обратной стороне, там, где было написано слово Смирение, написал: Сила.

МАРИНА

Я люблю тебя. Так на обожженной по краям бумаге проступают слова. Я люблю тебя. Так на обожженной по краям Душе проступают слова. Я люблю тебя. Так, что мне не хватает слов, чтобы сказать тебе об этом, особенно сейчас. Когда от страсти не осталось даже пепла, но любовь жива, потому что ты сама жива.

Страсть превратилась в любовь, в любовь вне категорий.

Когда мы встретили друг друга, у каждого из нас уже был опыт. И шрамы на наших Душах. Но мы учились понимать друг друга. Беречь друг друга. Первая наша с тобой поездка была в Петербург в августе две тысячи восьмого года. Помнишь Петергоф и фонтаны, и как мы с тобой тогда ссорились? Я бежал от тебя, а ты бежала за мной. И мы, петляя мимо туристических групп, фонтанов, актеров, одетых под петербургскую старину, мимо дам в длинных платьях, изображающих из себя фрейлин, и мужчин, одетых в костюмы старины, — мы бежали.

Я от тебя, потому что ты просто вывела меня тогда из себя, а ты за мной. А потом мы мирились и купали красное вино перед самым твоим днем рождения. Как я целовал тебя в губы. И твое ворчанье по поводу фотографий, на которых ты не нравилась сама себе. А мне нравилась.

Твоя любовь спасала меня, а моя, надеюсь, спасала и спасает тебя. Смотришь ли ты сейчас в окно, за которым плывут зимние облака? Горит ли у тебя на столе свеча?

Кто из нас тогда, 29 марта 2008 года, когда мы шли по улице и говорили о чем-то и ни о чем, когда мы

впервые встретились с тобой, когда вдруг в церкви зазвонили колокола, кто из нас мог подумать, что черная магия опалит наши Души? Что будет тьма, с которой придется бороться. Но сквозь тьму будут пылать благодатные звезды. И тьма не пройдет. И любовь сохранится.

А потом была изломанная осень и с ледяным отчаянием пришла зима 2011 года. Темная ночь Души, едва озаряемая светом далеких, холодных звезд ночью и алого зимнего солнца днем. Темное начало 2011 года. Ледяная зима. Тогда ты начала «летать». Я помню, как тогда, поздно вечером, у тебя в квартире я увидел, как будто некая сила подняла, или, точнее сказать, приподняла тебя, сидящую на стуле, и ты упала лицом на пол. Твои губы были разбиты до крови. Я не мог поверить в то, что увидел тогда. Я помог подняться тебе, обнял тебя и прижал к себе. Хотя мне было страшно. Дико страшно и непонятно, что происходит.

И я понятия не имел тогда, кто был причиной этого «полёта». Что за ведьма...

Когда я говорю — начала «летать», я не говорю ни о чём чудесном.

Этим словом я хочу сказать, что ты начала падать. Иногда по ночам, словно лунатик, проходя по своей квартире, ты падала и ставила себе синяки на руках и коленях, но самое страшное было, когда ты падала несколько раз вниз лицом.

Когда я уезжал от тебя, я просто не знал, какой увижу тебя на следующий день. Но это уже в прошлом. Так же, как и твои обиды на меня, ссоры, непонимание. Как верхняя полка плацкартного поезда, идущего в Петербург, куда мы ехали с тобой вдвоем. И то, как

в поезде мы сидели рядом друг с другом, не думая ни о прошлом, ни о будущем.

И тьма не прошла. И любовь сохранилась.

Любовь, суть которой — доброта. Помнишь Прагу и Пражский Орлой? Карлов Мост и холодный апрельский день? Как по цветной и разрисованной карте Праги мы шли в неизвестном нам направлении?

Прага...

Ты и я в холодный апрельский день 15 апреля 2011 года стоим на Карловом мосту, одетые не по погоде, и пытаемся сбежать от толпы туристов, оставив позади и Карлов Мост, и его достопримечательности. А на следующий день погода меняется, и я вижу Прагу в другом свете. И Влтаву, опоясывающую речным поясом удивительный и любимый мною город. И Йозефов — старый еврейский квартал от Старо-Новой синагоги до Ратуши, и дальше до границ еврейского квартала, где, оседлав ненавистный ему скульптурный костюм клерка, писатель Франц Кафка сидит на нем верхом. Концерт композитора Джорджа Гершвина в Испанской синагоге, где музыкантов вызывают на бис. А за границей квартала — готические соборы Пражского града. Черепичные крыши и зеленые потемневшие купола.

А помнишь ночь перед Иерусалимом? И то, как я приехал из Москвы, когда вышел из поезда, и ты встречала меня на вокзале в легком пальто и смешном берете, а я едва стоял на ногах от усталости и не понимал, что происходит, и какие события происходят. Не понимал, кто преследовал меня.

А ее помнишь, черную ведьму с глазами Царевны-Лебедь, как на картине Михаила Врубеля? Неужели никто не увидел, какие страшные на картине у нее

глаза? Какие были у той глаза? Она сказала тебе: «Помогите мне убить его». Тебе сказала и ушла. Ты оттолкнула ее от себя, прогнала прочь. Ты сама рассказала об этом мне. Она при всей ее силе не могла этого сделать? Я плакал и смеялся беззвучно, безумно падая на пол, словно бесами одержимый, и одержимый я был, а ты... Ты укрывала меня всем своим телом, всей Душой своей.

А потом я стоял у твоей постели на коленях с зажженной свечой и читал, читал перед тобой почти беззвучно молитву, укрыв тебя одеялом, и говорил: «Пожалуйста, только живи».

«Пожалуйста, только живи», говорила мне ты в другое время, и я уже не помню, когда это было — до или после, когда ее тайна оказалась раскрытой. Не надо плакать. Ее больше нет. Многие ушли.

В Иерусалиме, и в Вифлееме, и в Палестине выпал снег. 10 декабря 2013 года выпал снег.

Ты знаешь, что означает это? Какая благодатная тайна сокрыта в символе этого события? Снег белоснежный, летящий над землей, прекрасный и светлый, там, где никогда не бывает снегов.

Я люблю тебя особой, особенной любовью, необъяснимой, выстраданной, и любовь эта не та, о которой пишут, и не та, когда целуют в лянец или в румянец пухленьких губ бантиком. Когда ползешь на руках, потому что идти сил уже нет, и падающую поднимаешь тебя и видишь, что, хотя лицо твое уже изменилось, и пусть сейчас нет той красоты, но есть голая Душа.

Настоящая Душа, да, в том самом религиозном смысле, а не в поэтическом или в метафорическом. Помнишь, как в стихотворении, где я увидел тебя такой:

Марина Соболева. Петергоф. Август 2008 г.

Я помню, какое
Лицо неземное
Было в Софии твое,
Светом
Исполненное...

Твоя Светлая Душа почти просвечивает сквозь измученное тело. Но ты уже выздоравливаешь. И тело твое нуждается в исцелении, чтобы укрыть и защитить твою Душу, ибо нельзя ее, Душу, показывать всем.

Цветущая сирень была во дворе. Белые пионы ты приносила домой и ставила их в прозрачную вазу. Марина. Маленькая женщина с большими карими глазами, родившаяся двадцатого августа в летнее утро под знаком льва.

Гром и молния. И одновременно дождь, словно величественный венецианский дождь, сошедший на землю и по земле проходящий. Марина, твои смеющиеся, широко раскрытые глаза, в которых я вижу самого себя и твою любовь.

Я люблю тебя. И на обожженной по краям Душе проступают слова. Я люблю тебя. В январском небе светят далекие звезды.

Ты уже спишь. Тебе снится Иерусалим, и никогда не снится Прага. Или Петербург. Или Москва. Когда я был в Москве, и была осень, и дождь, и страх, и не описанные ни в какой прозе события.

Но я не буду говорить об этом. Пусть сегодняшней ночью тебе приснятся добрые сны.

12–15 января 2014

НА БИБЛЕЙСКИХ ХОЛМАХ

На календаре был март месяц 2013 года.

Месяц, когда, скрываясь от невыносимой душевной боли, Мариной и мной было принято решение отправиться в паломничество по святым местам. По библейским святым местам. В Иорданию. Там, где с горы Небо Моисей увидел землю обетованную, землю обещанную, и там, где была воздвигнута гробница его брату Аарону.

Руки. На руках линии миров. Линии путей, перепутий, распятий времени. Созвучие и звук. За пределом скоростного шоссе мозаика пути, по которому ты идешь. По которому надо идти, потому что так надо. Слова несовершенного стиха, с которым не соглашаешься сам, срываются с губ.

И вот перед тобой вырастает древний город. Песчаное дно под стопами небес. Колонны Титанов, опираясь на землю, невидны, потому что громадны. Облака принимают формы... Чувствование... Древний город и колонны над ветром и песком. Город Петра, высеченный в скалах, гораздо младше египетских пирамид, но не менее непостижимый.

Эль Хазне. Ветер поднимает в воздух песок. Песок принимает форму. Лик. Лицо. Мгновение вне времени, застывшее в объективе фотоаппарата и отпечатанное на снимке. Древний мир не ушел в никуда. Он никуда не ушел.

Он здесь.

Рядом с вами.

Рядом со мной.

Он это вы...

Все эти мысли разом проносятся в голове. Сильные порывы ветра. Мы подходим, вернее я подхожу

к краю обрыва, и в невероятной дали, на вершине одной из гор, я вижу купол усыпальницы.

Полдень. Яркое пламенное солнце на фоне голубого безоблачного неба. Что я почувствовал?

Я не могу описать это словами. Я смотрел вдаль, смотрел вверх, и слезы текли по моим щекам. Беззвучно, не понимая, не осознавая, я произносил слова молитвы.

Когда я подошел к краю, я почувствовал, как ледяной ветер бросился мне в лицо, вошел в мое тело и вышел из него, унося с собой всю накопившуюся во мне боль.

А я стоял на краю горы, с вершины которой был виден купол усыпальницы Аарона, брата Моисея. И меня, казалось, нет; в какой-то момент именно так и было. Для меня граница между небом и землей исчезла. Я просил о прощении. Я каялся во всем, злом

Гора Небо. Март, 2013 г.

и плохом, что совершал и о чем не знал, что совершал. После страшного, многолетнего отчаяния я почувствовал столько любви, словно был я уже не человек... Потому что потом я спрашивал самого себя: может ли человек вместить в себя столько любви, сколько вместил ее я тогда, в течение нескольких минут?

Марина осталась в стороне, в страхе наблюдая, как я подхожу все ближе и ближе к краю обрыва. Она хотела крикнуть «остановись», но я был слишком далеко, и ветер забрал бы ее слова и оставил их у себя.

И вдруг я остановился. Она видела и понимала, что со мной что-то происходит. Что-то совершенно необычное и неопишное. Из заплечной сумки она достала фотоаппарат, чтобы сделать несколько снимков. Но снимки не получились. Случайно или нет, она нажала на кнопку функции видеозаписи, включив видеокамеру, и записала то, что происходило со мной тогда.

И потом, когда я смотрел это видео... Маленькая фигурка человека, обратившего лицо и руки к небу, на краю обрыва...

А через три дня мне приснился сон.

В ночь с 17 на 18 марта 2013 года. Глубокий сон о шестнадцати рыцарях, охраняющих мир от зла. Ад, ворота которого в форме полной гигантской медной бочки. И те, кто не позволяют ему раскрыться и войти в этот мир, сейчас не спят. Ибо так надо. Но когда они засыпают, ад проникает в их сновидения. И тогда борьба продолжается уже во сне. Чтобы не дать ему пройти за порог.

ЛЕГЕНДА

Словно во сне увидел я образ того, что было очень давно. Словно когда-то услышанная история вдруг стала правдой. Из глубин веков — словно воспоминание. О том, что однажды произошло...

Однажды в те давние времена, когда мир был другим, и эпоха была другой 16 рыцарей решили защищать наш мир от сил хаоса и зла столь сильна была их любовь к людям. И не боялись они пожертвовать собой ради спасения многих жизней. И создали они круглый стол, и сели вокруг него, и дали обет в защиту мира и обратились с молитвой к Господу чтобы воплотился их обет в жизнь и услышал Господь их молитву. И Господь услышал их молитву.

И стали они рыцарями Мира. Всего Мира. И тогда (возможно) было видение им, что круглый стол стал землей, со всем, что живет на ней. Видение, что круглый стол стал земным шаром, на котором они, взявшись за руки, дали обет, чтобы потом разойтись, чтобы в каждой из 16 частей мира присутствовал один из них. Один из 16.

С молитвой и верой. Ибо каждый из них знал, что молитва это добро.

Молитва — столп света, когда тьма вокруг, горести и скорби, и духи зла над миром правят сильными мира сего облаченными в черную власть. Молитва — защита, щит защищающий и меч огненный — молитва.

Так Метушелах, которого называют также Мафусаилом, силой молитвы своей сражался со злыми духами Шеддим. Так и рыцари сражались не только силой оружия своего, но и молитвой подобно тому, как Метушелах сражался. Они сами становились мечом,

отдавая себя в руки Божьи, но не поднимая меч, а обращая молитвы к Создателю.

И тогда становились они мечом огненным, если угодно это было Ему, чтобы через них проявлялась Воля Его и Непостижимое Милосердие Его в этот Мир. В мир, в котором они жили и живут сейчас.

Души рыцарей чисты, как белый снег, не оскверненный никакой грязью. В молитве у свечи, в молитве о душах убитых. В старинном храме 11 века и в церкви 21 века молитва остается молитвой — молитвой живой, и даже в маленькой комнате, в доме, окруженном крепостью мегаполиса, молитва жива!

ВЕРХНИЙ НАЗАРЕТ

I

Излагая события, включающие историю моей жизни в течение нескольких лет, мне хочется рассказать о чем-то ином, о моих родителях и о маленьком городке, куда я каждое лето приезжал, чтобы побыть с ними, чтобы восстановить силы и пойти дальше, по предначертанному мне моему пути.

Верхний Назарет. Маленький городок над старым Назаретом. С одной стороны можно увидеть гору Фавор, а с другой, посмотрев вдаль, — Назарет. В Верхнем Назарете останавливаются часы, и время замедляет свой ход. Немолодые люди выглядывают из окон. Приезжие из России живут своей неторопливой жизнью. И нечего сказать. И нечего добавить. Все совершенно. Все уже свершилось в их уравнении-формуле-теореме, и какому математическому гению найдется место, чтобы оспорить или доказать формулу их жизни, которая привела их в этот город под солнцем днем и под луной ночью. Под пение муэдзина приходит ночь и наступает утро.

А за моим окном российская, екатеринбургская осень. Осеннее солнце озолотило листья деревьев и плоть облаков. Мне почти не снится Назарет. Верхний Назарет. А точнее, не снится вообще. Иногда мне снится Прага, которая не Прага, а некий символический город, и воспоминания о ней так глубоки и сокрыты, что только память чувств говорит о том, что такой город я видел. Иногда мне снится город, в котором я живу, но скорее не он сам, а некоторые люди. Близкие люди.

Я думаю о них, смотрю на их фотографии. Нет, не подумайте, что они далеко; они здесь, они в реале,

Верхний Назарет. 2013 г.

они в онлайне, они и я. Я и они. Многоточие. Символы. Символизм чувств невыразим. А на портрет можно долго смотреть, вглядываясь в запечатленные черты.

Осенний день уравновешен. Равновесие — очень зыбкая вещь. Но оно существует. Как Верхний Назарет, маленький городок над старым Назаретом. Где с одной стороны можно увидеть гору Фавор, а с другой, если посмотреть вдаль, можно увидеть старый Назарет...

II

В прошлом 2013 году вышел фильм Паоло Сорентино «Великая красота». Великая красота Рима, музыки, искусства, человеческой жизни и Великая красота писателя Джепа Гамбарделлы (написавшего за всю свою жизнь всего один единственный роман, который и принёс ему славу писателя). Но пишу я, разумеется,

не о нем, и не о фильме о нем. Я словно пытаюсь понять — что же такое красота, что такое великая Красота, словно схватившись за название фильма, пытаюсь дотянуться до нее...

До Великой красоты...

Вот уже пятый год я приезжаю к моей маме. Она по-прежнему живет в маленьком городе в Верхнем Назарете, о котором я уже писал. В трехэтажном доме на улице Юд-Фад восемнадцать в квартире номер один живет она, уже одна. Своего отца, моего деда, она проводила полгода назад. Комната, в которой он жил, пуста. Я приоткрыл дверь его комнаты, за дверью на голлом, чисто вымытом полу стоял шкаф и пустое кресло. Ни кровати, на которой он спал, ни его вещей в комнате уже не было. Комната, в которой жил мой дед, была наполнена пустотой, после того, как тот, кто в ней жил, из нее вышел. Не умер, не исчез, а именно вышел. А умер не он, а его старость, которая сама, словно изношенный, выцветший костюм, заставила надеть саму себя на его и тело, и душу. И вот старость, обесцвеченный костюм, сброшена. И мой дед жив. Не только в воспоминаниях или на черно-белых фотографиях прошлого века.

НЕТ! Жив в буквальном смысле этого слова, так, по крайней мере, могу представить себе я. В одном из соседних миров за той дверью, из которой он вышел, он, возможно, вошел в дверь другого, светлого дома. И у моего деда была своя Великая красота, которая для меня остается тайной, но была ли она тайной для него? А может быть мой дед ни в каком другом доме не живет, а, уйдя к Богу, находится в свете Его милосердия? Я не знаю. В финале фильма «Великая красота» старая, изможденная нищетою монахиня

поднимается по ступеням лестницы, в надежде, поднявшись до ее вершины, приблизиться к Богу и к той Великой красоте, которая предназначена для ее Души. А писатель Джеб Гамбарделла встречает свою первую любовь в той Великой Красоте, которая предназначена именно для его Души. Но где он встречает ее? В настоящем? Или в воспоминаниях о прошлом, о том, что она, Великая красота, была в его жизни и осталась в его душе, разуме, сердце? Только нужно ее открыть. А в чем Великая красота для моей мамы? В глазах моей мамы, когда она встречала меня в аэропорту, были слезы.

В Верхний Назарет, в Нацерет-Илит, пришла ранняя весна. Днем тепло, но по утрам бывает прохладно. В один из дней пошел дождь. Он длился совсем недолго, но сразу после дождя вышло солнце, и я решил не оставаться в доме. Выйдя с улицы Юд-Фад, я зашагал вверх, в сторону улицы Табор и еще выше, чтобы взглянуть на холмы, среди которых возвышается гора Табор или как ее еще называют, — гора Фавор (на которой произошло преображение Христа).

И вдруг я остановился рядом с каким-то домом, вокруг которого были цветы. И на всем, что растет и цветет, были капельки росы после прошедшего дождя.словно в маленьких колыбелях, на листьях сидели божьи коровки, и их было так много, что я сбился со счета и, перестав их считать, повернулся в сторону холмов. Я увидел гору Фавор и холмы вокруг нее, и все вокруг, пронизанное светом умиротворения, прозрачным, утренним, с каплями росы. На деревьях пели птицы, и мир был словно только что сотворен в первоначальной красоте. Вещающую все прошлые и будущие восприятия Великой красоты и каждой частной

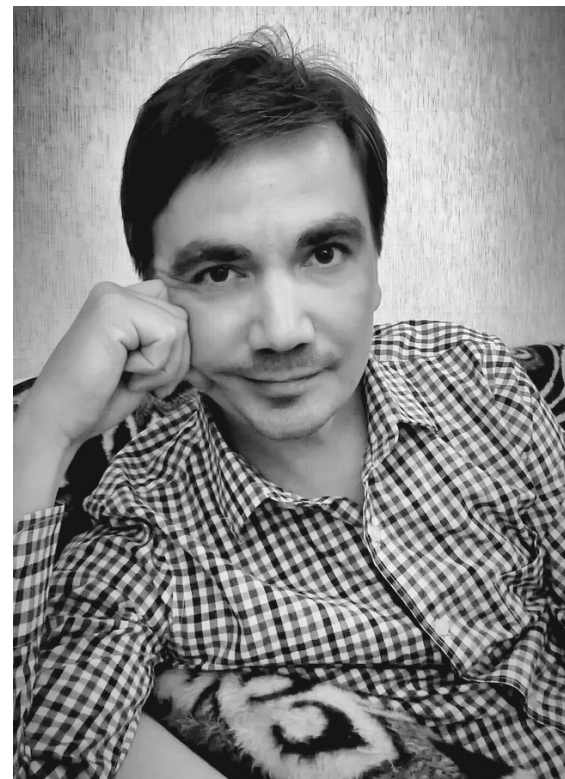
красоты внутри вселенной Великой Красоты, созданной Великим Творцом со всем, что нам дано и не дано понять, с такой Великой Красотой, которую не способен воспринять ни один человек, настолько она грандиозна и не соразмерна ограниченной человеческой природе. Над библейскими холмами солнце приблизилось к зениту и вошло в полдень.

Июль 2014

ПОРТРЕТ КОМПОЗИТОРА

Антону Ермакову

На сцене, погруженной в темноту, стоит маленький круглый стол с тремя зажженными свечами. Сцена не освещена. Но вот из-за кулис появляется музыкант; он прикасается к клавишам рояля, и начинает звучать музыка. Я говорю о моем друге, музыканте и композиторе, Антоне Ермакове.

Антон Ермаков. Июль 2017 г.

Антон. Думаю, что необходимо написать и его портрет. Он невысокого роста, у него черные прямые волосы, он слегка сутулит плечи. В его жестах видно плавную стихию воды и он может быть незаметным в толпе. До тех пор пока он не садится за рояль и не начинает играть. Тогда сила и глубина наполняют его музыку. Словно из самых глубин созвездия Скорпиона восходит его солнце, поднимаясь над горизонтом тогда, когда он играет музыку. Музыка написанную им самим. После концерта он выходит на улицу.

Он говорит: *«Всю жизнь я искал Красоту — в каждом дне, в легкой улыбке, в призрачной надежде. В пустотелых ночах юности. В городах, сокрытых горизонтом. Там, далеко, на юге. Я искал Красоту под ногами, в этой блестящей грязи, над головой — в бесконечном пространстве. В капле на оконном стекле — в одной всего лишь капле, что преломляет мир. Я искал Красоту, совершенство, лики ангелов — в человеке. И не нашел. Я не нашел Красоты в себе. Не нашел голоса в себе. Одно лишь эхо. Эхо Божественного Гобоя, парящего над всем миром. Но в эхе этом — вся полнота нескончаемой речи Создателя, и какие-то слова мне понятны».*

Дальше он говорит о том, что: *«Пражский цикл настолько мистический, насколько это возможно. Что он повлиял на его жизнь. Что пражская музыка должна стать лестницей в облака. А музыка — это такой инстинкт. Сродный дыханию, которое не останавливается ни на минуту, пока ты живешь».*

Антон закуривает сигарету. Дым поднимается в осеннее небо. Осень началась.

20 сентября 2014

ВАРШАВСКИЙ СНЕГ

Сон про город Варшаву. Сон про город Тарнобжег в Польше. Город Тарнобжег, где родился мой дед, а я в нем никогда не был. А во сне, возможно, я в нем был. Воспоминание, как облако над рекой Вислой. Как Варшавская колыбельная, в которой идет снег. На старых фотографиях отпечаталась эпоха.

Н. Ш. Беер. 1940-е гг.

ЮРОДИВЫЙ

Нищий стоит у паперти. Ему бросают мелочь. И идут дальше. Он не ждет любви. Почти уже не ждет. На мелочь, брошенную ему из презрения, он купит алкоголь. Никто не обнимет его. Христа ради...

Никто, кроме Христа, и не обнимет его. Он, нищесброд, будет пьян и вонюч. Он не будет излучать успеха. Успеха любой ценой. Но у каждого своя правота. И при полной Луне каждый, кто может, будет выть. О личном. И о своем. Но это мифы, смешанные с жизнью.

А Вы знаете, что статуя свободы в Америке похожа на языческую богиню колдовства и тьмы Гекату? А анафемствующего императора Юстиниана, почившего давно? И его супругу? Кто знает во тьме?

Юродивому это знать не нужно.

Ему бросают мелочь, но не согреют из любви. А он когда-то любил музыку. И при затмении сердца... Бетховен! Соната Лунная! А в храме служба идет. Ночь. Юродивый на паперти, а над юродивым ангел крылья распростер. В небе ночном. И служба идет.

Март 2016

СЕРАФИМ

Однажды ловец образов пришел к колодцу грез и уснул подле него, а ночью колодезная вода, которая помнит прошлое, настоящее и будущее, рассказала ему такую историю...

В клетке находился Серафим. Те, что держали его в ней, принимали его за диковинную птицу, и были они не человеческими существами, а существами другими, невидимыми даже глазам Серафима. Они заботились о нем, приносили ему еду, днем они создавали в его клетке свет, а ночью они создавали в его клетке тьму, непостижимые разуму и незримые взгляду. Время двигалось, и это было единственное движение, которое он ощущал во внешнем мире, ибо его мир был статичен и неподвижен. Существующий по законам заключенного мира, отображаемый сознанием заключенного внутри ограниченного неназываемого пространства. Он не знал о том, как он стал пленником, и не знал о том, как ему стать освобожденным. Но зато было то, что он помнил, и являлось это памятью о его изначальной родине, о небесах творения с сияющими, золотыми сферами Сфирот.

И его тоска по дому превращалась в молитву по дому. В молитву о возвращении и освобождении из плена. И молитва его была живой. Она поднималась ввысь и возносилась через миры и времена к Создателю, и молитва его была услышана. Однажды когда всякая надежда, казалось, покинула его, произошло невероятное.

Его клетка, его тюрьма стала исчезать. С каждым днем ее прутья становились все тоньше и тоньше. И он начал передвигаться по клетке в дотоле неизвестных

ему направлениях, перейдя из пространства статичного в динамичное, в котором он уже мог расправлять свои сияющие крылья.

Но клетка все еще присутствовала, истончаясь, истончаясь, истончаясь до тех пор, пока не истаяла, и пространство, раскрывшись, подобно невиданному, великолепному цветку, распустилось тысячью лепестков, и он возвратился домой.

ПРИБЛИЖЕНИЕ

Что лучше? Лучше, чем что? Чем выписывать образы высшего мира, не в силах его представить себе? Ловить отзвуки эха божественных звуков, перенося, шифруя их на бумаге таким ловцом, пускающим гончих своих прошлых и нынешних страданий по кровавым собственным следам?

Чтобы они бросили растерзанные воспоминания к твоим ногам. Те, которые ты бережно возьмешь в руки, в ладони и согреешь живым теплом дыхания и остывающей на лютном холоде любви. Согреешь и оживишь. И они чудом преобразятся в звуки. В музыку и в стихи.

Домини канус. Псы Господни — так называли себя доминиканцы-монахи. Бред. Ужас. Ужас этого мира, не вмещающий в себя боль одного мгновения бытия. Отрицающий все и всех. Но что же тогда такое приближение? И какой ценой достигается приближение к истине — вверх, туда, в неизмеримой высоте...

где Ангелы,
а над ними Архангелы,
а над ними Начала,
а еще выше Власти,
а еще выше, непредставимо, Силы,
а еще выше Господства.
а над ними Престолы.
Над Престолами Херувимы, а над ними...
Серафимы...

Неизмеримый мир. Какова цена приближения к нему? Движение по лестнице вверх. Слезы застилают глаза. Но блаженны плачущие, ибо утешатся. О Господи, дай мне утешение.

Я иду к тебе с плачем. С грехами. С покаянием. Со стихами. Мне кажется, что я иду к тебе. Я безмерно устал, но недвижим воздух. Может быть, я уже пришел? И уже все свершилось? Ты рядом Был, Есть и Будешь. Мне невыразимо, я так устал, Господи. Небо расширяется и исходит светом из пронизанных лучистым сиянием облаков.

Ноябрь 2015

НОЧЬ ПРОРОКА ИЕЛИУШУ (ЕЛИСЕЯ)

Михаилу Альперовичу

Вчера в стихотворении я написал об Апокалипсисе частного человека. О невыносимой боли и пламенной молитве, обращенной к Богу. Я был опустошен.

А сейчас я вслушиваюсь в дождь. Так небо говорит на своем языке нечеловеческими словами. Прикосновениями капель. Тихих, как благодать святых молчальников. Я разговаривал с небом. И легкие капли дождя нисходили с небес на землю, и я подставлял им лицо, чувствуя, как на душе становится тихо, и в сердце проникает мир. Каждую каплю я представлял и чувствовал, как частицу Благодати Божьей. Не знаю, сколько времени я был под дождем. В этот момент я не думал о времени. Кроны деревьев на фоне светлых сумерек были величественны.

Дождь. Я был наедине с ним и небом. Максимально отрешившись от окружающего мира, где редкие прохожие проходили вдалеке. Подходил к деревьям. Стоя рядом с ними, я поднимал лицо вверх и, набирая в ладони дождевые капли, омывал ими лицо. А когда закончился дождь, я лег на траву. В конце июня она была уже очень высокой. И растения, названий которых я не знал, укрывали меня. Я стал собирать влагу и капли дождя с их тонких тел, и снова омывал лицо. Втирал капли, живительные капли возле сердца. В самое сердце. А потом, лежа в траве, смотрел в небо на ночь, которая была почти белой.

Как долго я ждал исцеления. Вся эта ночь моя. Как удивителен может быть мир, ночной, тайный, исцеляющий разум и тело, и душу.

Я не знаю, сколько еще времени до утра. Я не смотрю на время. Не думаю о нем. И не знаю, когда будет рассвет. Но когда он будет, это будет рассвет исцеленного. Того, кто исцелился. Того, кого Исцелили. И начнется новый день, в который войдешь через арку рассвета, оставив темную ночь души позади, в истории, о которой рассказано не здесь.

Ночь, 27 июня 2016

АВГУСТ 2016

I

Август. Месяц, названный в честь императора Октавиана Августа, жившего в Риме. Что можно узнать об этом императоре? Только то, что можно прочитать в истории, в книгах. Но история и исторические книги, часто переписываются. А времена года пишутся не людьми. А силами, превосходящими силы человеческие. Итак, Август...

Август, необычайно жаркий, обнял землю. И с деревьев и кустов, над крышами домов была улыбка его, и имперское, царственное, солнечное лицо — лик Его. Над высотными домами и маленькими, чудом уцелевшими особняками, уже почти позапрошлого века, царствовал Он. И были слезы жгучие, горячие, прожигающие не только пространство, но и время. Так все предыдущие месяцы этого года и было.

Я приехал к ней. С трудом выговаривая слова, не в силах их подобрать, я приехал к ней, туда, где мы были столько времени вместе. Туда, где когда-то жила радость, а потом поселилась боль. Спряталась по углам, затаилась в пролитом вине и постели, пропитанной холодным потом. Ее руки легли в мои. Сколько дорог было пройдено, сколько стран. Сколько скорби и радости.

Душно. Быстрее бы гроза.

И ударил гром, словно архангел Михаил пронзил своим мечом сгустившиеся тучи после солнечного дня, и дождь пролился слезами неба. Слезами за всех нас скорбящих и радующихся, любящих, одиноких страждущих. Сейчас, когда я держу в руках его икону,

от нее исходит тепло. Нет! Дело не в солнечном августе, а в нем, в эффекте обратной перспективы.

Не только я смотрю на него, но и он с другой стороны смотрит на меня. Он воин, но от него, я чувствую, исходит мир.

II

Марина взяла меня за руку, и мы вышли из дома. Этот день, 23 августа 2016 года, завершился. Сумерки стали медленно опускаться на лес, мы шли сквозь него к реке. Запах хвои источал тепло. На другой стороне реки видно было огоньки домов. Ночь еще не наступила.

Я вошел в воду и поплыл. И вода была живая, смывающая скорбь. Смывая с себя всю грязь и боль, выплывающие и невыплаканные слезы. Когда вышел, не видно было даже света звезд. Сквозь темный и усталый от жарких дней лес мы вернулись домой. Она ушла в комнату, а я на кухне зажег свечу. Тихо горела свеча, а я молча или чуть слышно произносил слова молитвы. Ночь была глубокой, но беспокойной.

III

На окраине города Екатеринбургa, с улицы Славянской, я смотрел на маленький двухэтажный домик бежевого цвета, словно откуда-то из прошлого, словно из старой Москвы, словно из несбывшегося и сбывшегося. Деревья, небо, облака — все такое настоящее, осязаемое. Не картинка на экране монитора, не открытка со штампованными словами. Ветер шелестит листвой, и тени деревьев падают на соседний дом. Август улыбается. Слово движениями ветра, бликами солнца, он говорит «все это — жизнь». Завтра я поеду к ней. К Марине.

IV

Царствие Небесное. Царство Небес. Где находится это Царство? Как придти к нему? Кто охраняет его? И где Карта, которая ведет к нему? Какой путь? Будем ли мы, если придем к нему, теми же или станем другими? Узнаем ли мы друг друга, и будут ли слезы умиления и счастья? Как много слез в этом мире. В темницах и светлицах, в которые мы заключены, и не знаем, где карта, по которой придти к Высшей реальности. К Высшей Истине и свободе от невежества и страданий.

Почему же нам не удастся быть счастливыми здесь? Может быть, только *Там сможем мы быть ими, настоящими и подлинными, и счастливыми?*

И разглядятся на твоём лице спрятавшиеся в уголках глаз морщины? И раны душевные исцелятся? Но где это там? Мы здесь вместе и одновременно порознь. Более восьми с половиной лет нашего пути уже свершилось. Невыразимого. Ужасного и прекрасного, где радость и страдание переплелись воедино и не понять уже, где началось одно и продолжилось другое.

Можно ли согреться в свете великих? Или оказаться в их тени? Не только великие люди, но и великие города могут сиять и отбрасывать тень.

Прага... Я был не только в свете этого города. Так сложилось, что не только свет от нее проник в мою судьбу, но и тень Праги легла на мою жизнь. Тогда я еще не знал этого. Но и зная это и сейчас, после стольких событий я не стал любить ее меньше. Любить Прагу. Как не перестал любить Марину, хотя любовь стала другой. Иной, чем была прежде.

Десять лет назад. Январь 2006-го года. Я один в комнате, за окном сильный мороз.

Один день, потом второй, потом третий. Холод не только во внешнем стеклянном и замороженном мире. Он проник в мою душу. Стал частью меня. Я пытаюсь согреться. Но рядом никого. Мои окна выходят на север. Полное отсутствие человеческого тепла. Тепла любви. Прикосновений любви. Прикосновений любимой женщины. Возлюбленной. Не поцелуй на морозе. Не объятия. Не любовь во всех смыслах и в каждом отдельном частном смысле слова, дела, поступка. Частной жизни. Большая книга стихотворений поэта Эзры Паунда в бордовом переплете. Стихотворения и Кантос, что в переводе означает песни. Я держу книгу в руках. Вслух читаю стихи, пытаюсь согреться. Согреться о звучание стихотворений в комнате, наполненной холодом. Но в его стихах я не нахожу тепла.

Первая часть книги с латинским названием. При погашенных свечах. Стихи на английском с переводами на русский. Я читаю их при приглушенном электрическом свете. И при зажженных свечах.

Потом читаю книгу Пауля Целана. Потом стихотворение «Одиночество» Рильке. И вдруг! Словно из будущего, я слышу слова Марины: «Пожалуйста, только живи»
Июнь 2008-го года.

«Пожалуйста, только живи...»

Я повторял себе эти слова. Так, словно это сказал я сам, обращаясь к своей собственной душе. Объектив камеры медленно поворачивается в пространство, улыбаясь, идет Марина.

— Ты мне очень нужен, — говорит она мне, — я люблю тебя!

VII

И сейчас приходит воспоминание о том, когда мы были другими. Вилла Анди была расположена в одном из районов Праги. За окном была пражская, майская ночь. Я открыл окно, и запахи ночи проникли в комнату. Свет в комнате был погашен. Я был наедине со своим мыслями, впечатлениями дня, которые потом станут плотью и душой новых стихотворений.

Плоть и Душа. Душа и плоть. Зеркала. Картины. Там, в комнате, была картина, но я не помню ее. Только пространство комнаты и ее время. Комната была погружена внутрь своего времени, из которого сейчас я извлекаю ее. Май 2011 был тогда. Мост через время. Между *тогда* и *сейчас*. Над мостом — неподвижные звезды. Из молчания, из тишины приходит музыка.

А сейчас Август. Марина, это месяц твоего рождения, вхождения в этот мир, где каждый день похож и не похож на другой. Суть времени стала иной. Не той, что была прежде. Не только мы, но мир вокруг нас изменился.

VIII

В Праге тогда я искал книгу Уильяма Лилли «Христианская Астрология», искал, но не нашел, но зато купил в старом еврейском квартале книгу Алены Ежковой «Легенды старой Праги» на русском языке.

А книгу Уильяма Лилли я купил через три года. В Августе. Можно представить себе этого старого мастера таким, каким его изобразили на портрете. За его окном тоже Август. Он продолжает писать свой труд «Христианскую Астрологию». Возможно, уже не здесь. В его открытое окно светят дальние звезды.

Две тысячи восьмой год.

Марина, как часто я вспоминаю о нем, упоминая в стихотворениях и в прозе. Год, когда произошла наша встреча. Я помню первый раз, когда ты была у меня дома. Как отказалась пить чай, и это меня очень удивило. Не помню совершенно, о чем мы говорили. Но помню, как у тебя не застегивалась застежка на сапоге, и я помог тебе ее застегнуть. Меня всего бросило в жар. На твоём лице была улыбка. Не ехидная, не сладострастная, не подобрать слов какая. Только ты с твоей способностью любить можешь так улыбаться.

Когда я провожал тебя, на ясном небе уже видны были звезды, и не видно было всю грязь, которая была укрыта нарастающим снегом. Брошенные банки, окурки, сломанные детские игрушки.

Лето этого уже 2016 года не было простым. Оно во многом было просто невыносимым. Но настоящим, как и все предыдущее. А еще и жарким, цветущим. Пламенным, как обжигающее вино — бывшее лекарством от прожитых страданий, обжигающих слез, поднимающихся откуда-то из глубины души, и смывающих все препятствия, текущие из моих глаз, на которые смотришь ты. Где бы ты ни была. Даже погруженная в глубокий сон.

Еще могу сказать, что этим летом я спасался чтением о Духовном мире Исаака Сирина Нинивейского. Святого, жившего в седьмом веке. Об озарениях. Прозрениях. О Тринитарном свете души. Много думал о раннехристианских писателях.

Так узнал о Кlemente Александрийском и его книге Строматы (Ковры). Вообще много думал о религиях. Самых разных. Смотрел на розовые облака, сквозь которые сиял свет вечернего Солнца, и пытался представить, что мог чувствовать святой Исаак, не думая, но пребывая в свете, о котором он писал, что тот не подобен этому свету, и иносказательно писал о вещах неопишуемых словами.

Я не хочу, чтобы подумали, будто сейчас я пытаюсь показаться таким умным, нет, просто пытаюсь запомнить, сфотографировать в памяти некоторые состояния. Это мой личный опыт. Он пригодился мне и, возможно, пригодится однажды другим.

Верить! Сквозь слезы, несмотря на козни врагов, неудачи и падения — Верить!

XI

Марина! Какие похожие книги мы читали раньше. Еще до встречи. А потом наша история тоже стала одной из книг.

Книги... Каждая книга, словно звезда. Звезды бывают разного спектра, от сверхгигантов и до карликов. Но каждая звезда, какой бы она ни была, излучает свет. Каждая, кроме черной дыры, которая свет только поглощает, искривляя пространство и время. Об этом я узнал еще в детстве, когда читал книги о звездах. Много позже я стал изучать звезды с точки зрения астрологии. Когда ты уже вошла в мою жизнь. Я даже думал написать о строительстве Карлова моста с точки зрения астрологии, планет и звезд, но подумал, что это не для этой книги. Я и так упомянул об этой истории во второй части «Сфер».

XII

В 2008 году после нашей встречи в первый месяц осени моя мама и ее отец, мой дед, уехали в другую страну. Я был в аэропорту. Провожал их, не зная, когда я увижу их снова. Расставание на неизвестное время.

А ты осталась со мной. И был мороз по коже. Когда ты лежала на постели, раскрывшись. Одеяло было сброшено на пол, и твоя одежда была сброшена. Приглушенный свет. Звезды загораются в ночном небе так далеко и так близко, но по сравнению близко — с чем? Мои губы прикасаются к твоим горячим губам. Мои руки обнимают тебя. Ты вся обнажена, и трепет проходит волнами по твоему телу.

Тогда был апрель. Я обнажил тебя, и ты раскрыла мне объятия свои. Так мы начали познавать друг друга и познаем, но уже не тела друг друга, а души. Есть тихий свет. Но он не ровный. Он режет глаза и причиняет боль. Было много боли, и тьма искушала тебя и истязала тебя, а через тебя и меня. И меня искушала и через меня тебя мучила.

Ты не ангел, но такой, какая ты есть, я люблю тебя. Тебе был дан особый дар свыше. Умение любить. Это великий дар и в то же время наказание в этом мире и небесная благодать в этом мире.

Мир причинят боль. Увлекает в страсть и влечет в страдание. И не хватает мира в душе. Где он? Где он, Мир истинный? Что я могу сейчас сделать доброго для тебя? Когда кошмары вторгаются в твои сны, а свет истины кажется так далек... Прикоснуться к твоим губам? Как прежде... Но как же ты изменилась.

ХІІІ

И снова, вспоминая начало этого года, сколько было пролито слез... Но я уже столько раз писал об этом. Были дни, когда я чувствовал, как жизнь покидает нас. Молился и рыдал. Впадал в сон, напоминающий забытье.

Когда было особенно плохо, вспоминались слова из записок композитора Антона Ермакова. То, что написал Антон, было страшно, и от их внутреннего звучания и значения. Вот, что он написал тогда, в безысходности: *«Полный квинтовый круг через двойную доминанту. Мелодия, помещенная в большую терцию. Постоянное восхождение — вверх. Состояние молитвы. Покачивание. Опадание листьев. Вальс теней в рапиде. Сон. Не-здесь».*

И было действительно страшно! Не здесь. И не Там! До ужаса! До холодного пота! Всего, что было невозможно рассказать. И тогда я понял, что слезы это не сентиментальность, не слабость романтика и не блажь! А сила и дар Божий. Мужество отдать себя и доверить себя всего Ему! И не объяснить это состояние. И в мае 2016 года помощь Свыше пришла! От человека и через человека по имени Михаил.

ХІV

Была химия страсти. А стала алхимия любви. Марина — алхимия любви. Мы испытали и то и другое. Материя и Душа. И так, из страсти — в любовь. Как красиво это звучало бы, наверное, на латыни. Но я пишу это по-русски. И это ничуть не хуже латыни. Даже если это звучит иначе. Иначе...

Был период, и это было начало зимы 2014 года, когда Марина стала, как совсем чужая. Я не знал, что делать, как поступать. Мне невыносимо было даже прикасаться к ней, и в то же время я любил ее. Мне стыдно за это (и за многое другое тоже стыдно), но это было так.

Я не знал о потусторонних вмешательствах. И я решил написать рассказ. Рассказ о другой женщине потому, что все мои мысли были только о Марине. Рассказ я написал за день или за два, более точно я не помню. Писал быстро, на одном дыхании. Пришел образ и стал оживать. Образ некой неизвестной художницы, одержимой страстями, о которых не знает никто (и саму ее все считают никем), рисующей картины, о которых мало кто знает. Я вспомнил об одной своей знакомой, похожей на этот образ, которая рисовала картины, и я начал писать рассказ. Название пришло сразу — «Рисующая, как никто».

Итак:

Ее маленькая фигура не привлекала к себе особенного внимания. Белое в цветочек платье, короткие волосы. Тонкие черты лица. Но глаза... Большие, внимательные; полуопущенный взгляд из-под длинных ресниц. Она всегда была хорошей, примерной. Ее всегда ставили в пример другим, сначала в школе, потом в университете. Она казалась моложе своих лет, и никто бы не подумал, что она уже перешагнула через порог своего сорокалетия.

Она умела и любила рисовать. И умела делать это очень хорошо.

Так же профессионально и четко умела рисовать, как политик врать, не краснея, а банкир считать сбережения. Она была профессионалом.

Ей очень нравились чувственные картины художников и дома в комнатке, обустроенной под мастерскую, она давала выход своим самым потаенным чувствам и желаниям. Прежде чем приступить к работе, она снимала с себя все.

Всю одежду, которая была на ней, становясь полностью обнаженной, и в этом был ее собственный ритуал и в нем был особый смысл. Становясь обнаженной, она, как бы сбрасывала с себя тот образ, в каком ее привыкли видеть. Становясь обнаженной, она начала рисовать не то, чему ее учили, а то, что она хотела сама. Ее страсть принимала образы женщин и мужчин, влюбленных друг в друга. Любящих друг друга. Каждую картину она прописывала детально.

В конце концов ее любимые художники не стеснялись рисовать тело таким каким видели его, каким чувствовали его и какой видели душу просвечивающую сквозь плоть.

Ей очень не хватало любви. Она ждала и жаждала любви. Очень скромная с тихим голосом, каждый день кроме двух выходных она приходила на работу, где была вынуждена работать, используя умение рисовать, как ремесло для учреждения, в котором работала. Разумеется, ни о каких страстях и чувствах в ее дневных, ремесленных работах не могло быть и речи.

Ее глаза... Большие, внимательные, взгляд из-под длинных ресниц. Тихий голос.

В глазах многих она была никем. Для многих она была чуть меньше, чем никто, или чуть больше, чем никто. Про ее картины почти не знали. А она...

Она любила и умела рисовать. И еще она хотела любви. Она ждала любви. Любви и только... как никто.

XVI

Когда я закончил писать, через несколько дней я перечитал рассказ, и понял, что да, я написал о художнице. О Рисовальщице, о другой женщине... Но! Какой бы другой она ни была, открытием для меня самого было то, что я написал снова о Марине.

Да, она не умеет рисовать. Да, у нее другая внешность. Но страстность натуры и способность любить и суть ее — это снова о Марине, о ней я написал. Картины, платье в горошек, взгляд не такой... Все это антураж. Декорации. А суть-то ее. В юности она не писала картин.

Она занималась балетом. Она хотела воплощать образы другим способом. Она любила, она хотела любви. Она умеет любить, Любить, как никто другой. И я остался с ней. А рассказ остался написанным, прочитанным некоторыми из моих друзей, и рассказ лег в ящик письменного стола на несколько лет.

XVII

Когда моя мама и мой дед Натан уехали, я взял к себе домой большой цветущий лимон. Дерево, которое росло ввысь и выросло за восемь лет довольно большим. Когда в доме появились иконы, в солнечные дни лимон листьями своими укрывал их, а потом, когда жизнь стала покидать нас, он стал высыхать и умирать. И однажды пришел день, когда я подумал, что он умер. Самая высокая его ветвь была мертва. Прошло (неописуемое) время, и потом я заметил, что он не умер! Его старая часть умерла, и ее пришлось убрать, а новая зацвела и ожила — живая! Маленький росток стал пробиваться к солнечному свету. Жить и расти. И росток зацвел! Какой добрый знак после всего, что было.

.....

Существуют линии повествования, которые пересекаются, создавая насколько возможно цельную картину. Поэма «Стихи из Пражского Града», книга «Сферы» и «Роман», написанный, но не опубликованный. Повторяют друг друга, пересекаются и становятся цельной одной, не всегда линейной, историей. Роман, который я «проживал» в течение многих лет, которые длились, как века...

На какие времена произошло влияние? На каких людей, кроме нас? В какие неизведанные, тайные области и Сферы мы оказались вовлечены?

XVIII

Я в комнате один. Закрываю глаза и будто погружаюсь в глубокое прошлое. Не мое! Седобородый господин Джон Ди выходит из кареты, медленно поднимается в свой кабинет, в ладони, на которых выписаны линии его уникальной и ни на чью не похожую судьбы, в эти ладони он берет кристалл и внутри него видит будущее. Возможно, видит то, что сейчас пишу я, зная больше меня, и удивительным образом мы влияем друг на друга, не влияя никак. Он опускается в кресло. Его веки прикрыты. Губы шепчут слова на неизвестном языке. Он говорит с ангелами. Истинные ли они или ложные? Какие они? И кто он сам?

XIX

В Августе, когда Солнце входит в знак Льва, начинается праздник. Август — месяц кризисов, контрастов, подарков, звезд.

Я одиноко бродил по парку в солнечный день этого месяца. Это было несколько недель назад. Мимо проходили люди, и у каждого была своя жизнь. А какая была у меня? Я думал о тебе. Отчаивался. Закрывался от мира книгой Милана Кундеры «Торжество незначительности». О, этот мастер иронии! О, этот чех! Спрятаться от отчаяния и боли за маленькой, тонкой книгой о незначительности и ее торжестве в мире, от которого не скрыться. Это Великая ирония. Марина, прости меня. Мы любим друг друга каждый по-своему, и вот вся незначительность рушится. И нет ей больше места в наших душах, кроме горькой иронии. И любви под Августовским Солнцем.

Август остается. Золотом на листьях, солнечным светом и теплом...

*25 августа — 14 сентября 2016
Некоторые эпизоды были написаны раньше, в феврале 2016*

МИЛОСЕРДИЕ

Багряное пламя листьев, горящих в октябре, отпылало. Оплыло, словно свеча, оголив беззащитность деревьев, и только солнце озаряло их огненной короной — невидимые короны древних и царственных деревьев в глубине леса. Пока не пришел снег милосердный и не лег на сутулые плечи берез и тополей, окутав их белым покрывалом милосердия. Так Господь укрывает багряную, исстрадавшуюся душу милосердием прощения и защиты.

Начался ноябрь, и багряные краски, которыми пишут мучеников, оказались сокрыты. Багряная краска солнца в октябре скрылась. Вечер спустился на землю, но звезда, первая еще, не взошла, но она уже восходит. Как далек ее свет. Как свет Иерусалима небесного. Как сияние света Серафимов. А мы на земле. Каждый страдает по-своему.

Иногда я вспоминаю 2013 год. Фрагмент моей истории. Часть моего пути. Моей жизни, что переплелась с судьбами других.

Гора Небо, взгляд, уходящий вдаль, вглубь самого себя, в глубину времени, что не было никого и вдруг — голос. Девушка за моей спиной стоит на скале... Она спрашивает меня на другом языке:

— Dove si trova la strada?

И смотрит в высоту небес под раскаленным солнцем, еще не дошедшим до своего зенита. «Где та дорога?» Я не знаю.

— Там Иерусалим, — говорю я и показываю в сторону горной цепи, за которой находится город.

Она улыбается. От ее улыбки исходит свет. Кто она? Ангел? Вестник, дающий мне знак? Тогда почему спрашивает меня?

— Там, — говорю я, — Иерусалим. И снова указываю в сторону гор. В ясную, солнечную погоду с горы Небо — Har Nevo — говорят, можно увидеть Иерусалим...

Ноябрь 2016

Литературно-художественное издание

ЮРИЙ АВРЕХ

СФЕРЫ

Корректор *Яна Черкес*
Верстка *Евгении Язвенко*
Автор обложки *Антон Ермаков*
Издатель *Федор Еремеев*

Подписано в печать 15.07.2018. Формат 84 × 108/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 200 экз.

Издательство «Кабинетный ученый»
620990, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.